

УДК 94[47].081

**Отношение к женскому образованию в
крестьянской среде 60-90-х гг. ХІХ в.
(по материалам Центрального Черноземья)***

Шаповалова С. П.

Shapovalova S. P. Attitude to Women's Education in the Peasants' Milieu in 1860–1890s (on Materials of the Central Black Soil Region). The article is devoted to transformation of attitude to women's education in the peasants' milieu in provinces of the Central Black Soil Region. The author demonstrates the reasons for negative attitude to women's education in peasant families in pre-reform, as well as early post-reform periods. Special attention is given to the change of attitude to education of the peasant girls and maidens when people became more aware that education was an integral part of the changing world.

Keywords: women's education, peasants' milieu, post-reform period, Central Black Soil Region.

Шаповалова С. П. Отношение к женскому образованию в крестьянской среде 60-90-х гг. ХІХ в. (по материалам Центрального Черноземья). В статье рассматривается трансформация отношений к женскому образованию в крестьянской среде центрально-черноземных губерний. Показаны причины негативного отношения к женской образованности в крестьянских семьях дореформенного, и пореформенного периодов. Особое внимание уделено сюжету об изменении отношения к образованию

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6.2922 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. ХІХ в. (проблемы социальной адаптации), выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

крестьянских девочек и девушек, когда пришло осознание, что образованность является неотъемлемой частью меняющегося мира.

Ключевые слова: женское образование, крестьянская среда, пореформенный период, Центральное Черноземье.

Шановалова С. П. Відношення до жіночої освіти в селянському середовищі 60-90-х рр. ХІХ ст. (на матеріалах Центрального Чорнозем'я). В статті розглядається трансформація ставлення до жіночої освіти в селянському середовищі центрально-чорноземних губерній. Показані причини негативного ставлення до жіночої освіти в селянських сім'ях дореформенного та післяреформенного періодів. Особлива увага приділена сюжету про зміну ставлення до освіти селянських дівчат, коли прийшло розуміння того, що освіта є невід'ємною частиною світу, що змінюється.

Ключові слова: жіноча освіта, селянське середовище, пореформенний період, Центральне Чорнозем'я.

В последние годы среди исследователей особый интерес вызывают вопросы образования женщин-крестьянок в пореформенной России [5, 8]. Не меньший интерес представляет проблема отношения к женскому образованию в самой крестьянской среде. Данному вопросу и посвящена настоящая статья, в основу которой положены документы архивов [3; 4], воспоминания современников [12], статистические данные [9; 10].

Пореформенная межсословная эмансипация российского общества вызвала к жизни в крестьянской среде чувство собственного достоинства, новые социальные ожидания и потребности. Следствием этого стали очевидны и признаки межсословной эмансипации, что и проиллюстрировал на материалах Тамбовской губернии этнограф конца XIX в. А. П. Звонков: «Женщина поднялась из своего рабского приниженного состояния, смело заявила о правах своих и

глава семейства, прежде — гордый старшина и безусловный повелитель рода, уступил теперь её требованиям и начал делиться верховными правами... Но чья власть удивительно возросла — тихо, незаметно под шум перемены отношений — это власть матери. Она отвоевала не только долю юридической свободы, но заставила поделиться мужа и верховными правами родительскими. В поле она — работник, бок-о-бок с мужем и верный советник его по делам хозяйства; придет домой — она мать, осязательный центр семейства... Отец здесь глава разве юридически и располагает только физической силой» [6, с. 24-25].

Естественно, речь о межполовой эмансипации женщин-крестьянок может идти только в рамках патриархального крестьянского семейного традиционализма, который складывался веками, и его социальное размывание шло довольно медленно, хотя и очевидно. Одним из таких признаков нового социального статуса женщины крестьянки — это потребность в грамотности и образовании, применительно ко второй половине XIX в. И это находило объяснение в крестьянской среде, но объяснения носили чисто утилитарный характер — «Грамотного труднее обчитать» [11, с. 67] и т.п.

Материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» по Курской губернии позволяют выявить уровень грамотности у различных возрастных женских групп [10, с. 64]. В 1897 году из 323 913 девочек — крестьянок Курской губернии грамотными были 3 185, то есть менее 1 %, среди девушек 10-19 лет этот процент составлял уже 9,6 %. Практически каждая десятая девушка из этой возрастной группы могла читать, писать и считать, собственно этим и определялся уровень грамотности. В следующей возрастной женской группе с 20 до 29 лет процент грамотных составил 5,1 %. Далее по увеличению возрастных групп процент грамотности резко снижается. Например, в группе от 50 до 59 лет из 72 894 женщин грамотными числились только 939, то есть значительно меньше 1 % [10, с. 64].

Теперь рассмотрим данные утверждения на материалах

Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Воронежской губернии. Из 1 217 356 женщин сельского состояния, грамотными были 49 739 (4 %) [9, с. 34–36]. В среднем, уровень грамотности у крестьянок был ниже в 16,1 раза, чем у женщин из других сословных сообществ. Но, если учесть, что в возрастной группе крестьянских девочек и девушек от 10 до 19 лет грамотных насчитывалось 8,7 %, а в возрастных группах свыше 50 лет – 2,1% [9, с. 36], то в сравнение с дореформенным периодом, уровень грамотности в женской крестьянской среде вырос более, чем заметно.

Таким образом, исходя из анализа приведенных данных видно, что обучение грамоте девочек, в основной массе, начиналось с 10 лет, наиболее грамотной была женская возрастная категория от 10 до 29 лет. Учитывая, что земские школы открывались, по отношению к дате переписи, около 30 лет назад, наиболее грамотной частью женщин должна была быть возрастная категория 20–29 лет, в реальности – 10–19 лет. Отсюда можно сделать вывод, что интерес родителей к обучению грамоте дочерей особенно стал проявляться с конца 70-х гг. XIX в., то есть когда уже около 10 лет функционировали земские школы.

Сравнение уровня грамотности отдельных возрастных женских категорий и мужских, позволяет определить приоритет родителей, в плане образованности, при воспитании девочек и мальчиков. Так в мужской возрастной категории до 10 лет из 320 667 мальчиков грамотными были 8 157 (2,5 %). Это показатель более, чем в 2,5 раза выше соответствующего показателя у девочек. В категории с 10 до 19 лет у крестьянских юношей процент грамотных достигал 45,5 % [10, с. 64]. Почти каждый второй крестьянский юноша этой возрастной категории был грамотным, у их сверстниц только каждая десятая. Приведенные расчеты однозначно показывают, что в крестьянской среде приоритет при обучении отдавался мальчикам, а не девочкам. Родители считали, что удел девочек, будущих матерей, должен замыкаться домом и семьей. Мужчина же – глава семьи, ведя хозяйство и выступая

регулятором отношений собственной семьи с окружающим миром, с точки зрения родителей, естественно должен был быть грамотным. Отсюда и такие очевидные разрывы в уровне грамотности между девочками и мальчиками.

Несмотря на неоспоримую важность земских школ в деле обучения грамотности крестьянских детей, были и другие весьма важные источники получения начальных азов грамотности в крестьянской среде. Нередко обучение вели грамотные крестьяне, иногда «бродячие» учителя из образованных слоев населения. Например, в Путивльском уезде Курской губернии в 80-х гг.

XIX в. четвертую часть территории занимала полоса хуторов, она так и называлась – «Хуторянская полоса». В 167 поселениях этой полосы было всего 5 180 дворов. Внимание Губернского статистического комитета привлекло странное несоответствие: из 29 официальных школ уезда на хуторянскую полосу приходилось всего 3, а уровень грамотности крестьян, включая подростков, здесь был выше, чем в других местах. Обучение здесь проводилось «ходячими» учителями [5, с. 289]. Как правило, это были одинокие люди: крестьяне, отставные солдаты, бывшие дворовые и т. п. Помещение учителю, заинтересованные родители нанимали у бездетной вдовы или в малочисленной семье. Плата за обучение составляла здесь 30-60 копеек в месяц за ученика.

На такого учителя в мелких курских хуторах приходилось по 5-6 учеников. В первый же базарный день после начала обучения родители должны были купить каждому ребенку по азбуке и по указке. Изучали сначала церковнославянскую азбуку. Затем переходили к чтению по Часослову, Святцам, Псалтырю. Только после этого приступали к гражданской азбуке. Приобретались новые учебники. Бегло читать дети выучивались, как правило, за две зимы [5, с. 290]. Народный опыт создания временных школ использовался местной интеллигенцией при открытии передвижных центров обучения в маленьких населенных пунктах. В обширной слободе Томаровке Белгородского уезда Курской губернии, где жили бывшие крепостные крестьяне,

в начале 80-х гг. XIX века было три училища: министерское и два начальных (мужское и женское). Но в связи с активным выделением на хутора после реформы остро встал вопрос, в каком из хуторов открыть школу. Законоучитель начальной школы священник Маляревский предложил хуторским крестьянам «на основе опыта бродячих учителей» создать подвижные школы. Осенью 1884 года две такие школы – на 27-41 человек – были открыты в хуторах Казачеве и Дубинине. В них учили чтению, письму, элементарному счету и основным молитвам. Учителями в этих передвижных школах были подростки 14-15 лет из местных крестьян, окончившие Томаровское училище и дополнительно подготовленные к преподаванию Маляревским. Он же руководил их преподаванием, приезжая по воскресным дням: проверял пройденное, давал советы на следующую неделю. Учителя оплачивались родителями, у них же они и питались, ночевали в школе. Занятия велись с раннего утра и дотемна, с некоторыми перерывами для отдыха и обеда [7, с. 48-50]. В соседнем Новооскольском уезде такие же «подвижные» школы были открыты на средства земства [7, с. 48-50]. Обучение азам чтения, письма, счета для подавляющей части крестьянских девушек, числившихся грамотными, считалось уже достаточным.

Поступление в средние, среднеспециальные, высшие учебные заведения не рассматривалось в крестьянской среде в качестве самоцели, да и образовательный багаж у крестьянских девушек был весьма скуден для этого. Из 1 125 851 респондента женского пола всех возрастных категорий по «Первой всеобщей переписи...1897 г.» в Курской губернии только 2 имели университетские дипломы и 1 168 закончили средние и среднеспециальные учебные заведения. В отличие от общего уровня грамотности, мужчины крестьянского сословия в сфере среднего, среднеспециального и высшего образования фактически ни чем не отличались от крестьянок. Из 1 093 384 респондентов – мужчин 17 имели университетское образование, 5 дипломы специальных технических вузов и 992 завершили обучение в средних и среднеспециальных учебных

заведеннях [10, с. 64].

Если сравнить повышенный образовательный уровень курских крестьянских девушек с их сверстницами из других сословий, то можно увидеть весомый разрыв в качестве образования не в пользу первых. Из 16 695 респондентов женского пола дворянского сословия и чиновников не из дворян 28 имели университетские дипломы, 5 дипломы специальных технических вузов, 3 995 (24 %) завершили обучение в средних и среднеспециальных учебных заведениях [10, с. 62]. Указанный образовательный разрыв связан, в первую очередь, с отсутствием ориентации у подавляющей части крестьянских девушек на личную карьеру профессионального характера, традиционализм воспитания ориентировал их деятельность в рамках семейного быта и домашнего хозяйства. Дворянский же сословный этикет высокий образовательный уровень предписывал в качестве желаемого.

Сам факт получения крестьянской девушкой специального образования не гарантировал ей четкой профессиональной перспективы. В первой половине XIX в. не принимались на государственную службу лица женского пола, хотя нигде в законах категорического запрещения не существовало. Здесь главную роль играла историческая традиция. Лишь в ходе буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в. их стали принимать по «найму» в медицинские учреждения, на почту и телеграф, в учебные заведения. Только с 1889 г. женщинам было разрешено работать на счетно-бухгалтерских и канцелярских должностях [1, с. 115-116]. Остановимся на деятельности земских учителей и земского медицинского среднего персонала, наиболее многочисленной и в сословном плане демократической прослойки провинциальной интеллигенции.

В 1895–1896 учебном году в земских школах Курской губернии числилось 240 учительниц. Из них только 18 (7,5 %) крестьянского происхождения. Но уже в 1901–1902 учебном году из 487 учительниц 57 (11,7 %) были выходцами из крестьянской среды [2, с. 195]. То есть, в конце пореформенного периода и в начале XX в. тенденция роста числа учительниц крестьянского

происхождения просматривалась отчетливо. Само ограниченное количество штатных единиц учителей в начальной сельской школе, незначительные оклады не могли сделать профессию учителя в крестьянской среде перспективной. Тем более сфера деятельности учительниц из крестьянских семей была ограничена земскими школами и частично женскими гимназиями, где все-таки приоритет отдавался учительницам из дворянского сословия. В конце пореформенного периода эти ограничения постепенно стали убираться из-за дефицита квалифицированных учителей в провинции [3, л. 38].

Из 273 представителей среднего медицинского персонала курских земских больниц установлена сословная принадлежность 151 (55,3 %) медработника. Из них 72 (47,6 %) были выходцами из крестьянской среды. При этом, в их числе женщин было всего 5. Средних медработников женского пола числилось 53 и, как было указано выше, 5 крестьянского происхождения. Основную часть женщин данной профессиональной категории представляли дворянки – 15 (28,3 %) [4, л. 28-152]. Фактически сфера медицинских услуг в земствах держалась на медработниках крестьянского происхождения.

Учитывая редкие случаи выхода крестьянских девушек за рамки среднего медицинского персонала и перехода их в медицинскую элиту – категорию врачей, необходимо отметить, что и здесь существовали ограничения по половому признаку. В мае 1898 г. вышел циркуляр Государственного Совета [3, л. 25], из которого следовало, что был, весьма узкий круг учреждений и высших учебных заведений, дающих право женщинам-врачам получить права госслужащего. С другой стороны, сам факт вывода их за рамки классовых чинов, уже по представлению того времени ставило их в приниженное положение по отношению к врачам-мужчинам. Тем не менее, возможность женщинам получать права госслужащего было весьма существенным прорывом в плане личной профессиональной карьеры.

Таким образом, видно, что шанс на образование у крестьянских девушек был. Но необходимо также рассмотреть

причины, которые сводили практически на нет, возможности получения и хорошего образования и повышения статуса и достойной работы.

Причины низкого уровня грамотности в крестьянской среде, были, во многом, общими как для мальчиков, так и для девочек. Воронежский крестьянин Иван Столяров в своих воспоминаниях указывает на них: «В нашем селе было 500 дворов и около двух с половиной тысяч жителей. Много дворов было многодетных, однако записывалось всего 20 детей, мальчиков и девочек... Большинство крестьян не пожелали послать своих детей в школу потому, что считали учение бесполезным для них. Многие из них потому, что не хотели лишаться помощников в полевых работах. Другим препятствием были бедность родителей или расстояние: полторы — две версты и более от школы до большинства изб; и дорога трудная во время осенних дождей или зимних морозов. Надо было снабдить детей и подходящей одеждой, что было не под силу бедным семьям.

Дома их дети могли обходиться даже без обуви и верхней одежды в ненастье. Когда им нужно было выйти во двор, они надевали обувь и одежду взрослых членов семьи. Помогать во дворе по хозяйству они могли и в рваной одежде: на дворе не так холодно, как на улице, и земля суше. Чтобы погреться или посушить одежду, можно всегда войти в избу. Другое дело — идти в школу, пройти долгий путь при морозе 20-25 градусов для восьмилетних малышей было нелегко. В осеннее время в уличной грязи вязли не только дети, но и взрослые» [12, с. 361-362]. Несмотря на детальное описание материальных трудностей при сборе в школу детей, сезонных природных затруднений, расстояния до школы, в первую очередь, указывали, что главной причиной было непонимание родителями необходимости обучения детей грамоте. Данное замечание примечательно еще и тем, что описываемые события относятся к рубежу ХІХ—ХХ веков.

Предубежденность в необходимости обучения грамоте

девочек базировались на традиционализме крестьянских представлений о роли и месте женщины в семье. Главным её предназначением было продолжение рода, воспитание детей, домашние дела. Грамотность не являлась в данной сфере обязанностей крестьянской женщины чем-то мотивированным, крайне необходимым для жизнедеятельности. Ведь весь спектр официальных отношений с внешним миром, который находился за рамками двора или общины, ложился на плечи мужчин, для которых грамотность фактически уже считалась если не обязательной, то весьма желательной. Следствием этого было низкое количество учащихся девочек в школах. Например, в земских школах Курской губернии в 1895/1896 учебном году было 41 973 учащихся, из них девочек всего 6806 (16,2 %), в 1901/1902 учебном году этот показатель вырос на 19,4 % [8, с. 125]. Хотя процент роста обучающихся девочек был не большим, но именно это могло служить показателем того, что среди крестьян постепенно укреплялось осознание необходимости обучения детей.

Более наглядно причины малого процента девочек среди учащихся Курской губернии представлены в табл. 1, которая составлена на основе данных, собранных в 1905/1906 учебном году с мест и объединенных в пять основных групп [8, с. 126].

Табл. 1. Причины слабой посещаемости земских школ девочками Курской губернии (1905/1906 уч. г.)

п/н	Виды причин	Число показателей	В %
1	Экономические причины	157	49,2
2	Предубеждение против грамотности девочек	121	38
3	Теснота школьных помещений	25	7,8
4	Желательность женской школы	11	3,4
5	Дальность расстояния от школы	5	1,5
	Всего	319	100

Как ранее указывалось, на первом месте стояли причины экономического плана, которые включали в себя – нехватку средств на одежду и обувь; необходимость девочкам работать в домашнем хозяйстве; нанять младших братьев и сестер. Но здесь примечательным является факт того, что в начале XX века 38 % респондентов из крестьян высказывали предубеждение в адрес необходимости обучения грамоте девочек. Это является ярким примером ментального традиционализма крестьян, медленной трансформации сознания в условиях модернизационных пореформенных общественных процессов.

Таким образом, отношение к женскому образованию в крестьянской среде пореформенного периода медленно изменялось в сторону его необходимости, но препятствием здесь являлся крестьянский традиционализм во взглядах на роль и место женщины в семье, экономические трудности и социальная инертность самих женщин.

Примечания

1. *Архипова Т. Г.*, Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVIII–XX века / Т. Г. Архипова, М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. — М., 1999.
2. *Белокопский И. П.* Народное начальное образование в Курской губернии / И. П. Белокопский. — Курск, 1897.
3. *Государственный архив Белгородской области.* — Ф. 80. — Оп. 1. — Д. 171.
4. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 6910.
5. *Громько М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громько. — М., 1991.
6. *Звонков А. П.* Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губ., Елатомского уезда / А. П. Звонков // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — Кн. 9: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. — М., 1889. — Вып. 1.
7. *Кисляков Н.* Странствующие учителя и подвижные школы в Курской губернии / Н. Кисляков // Северный вестник. — 1888. — № 3.

8. *Мамаева Т. П.* Курское губернское земство народное образование в губернии во второй половине XIX — начале XX века / Т. П. Мамаева. — Старый Оскол, 2008.
9. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 9: Воронежская губерния.
10. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 20: Курская губерния.
11. *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / О. П. Семенова-Тян-Шанская. — М., 2010.
12. *Столяров И.* Записки русского крестьянина / И. Столяров // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. — М., 1990.

УДК 94(470 + 477): 316.75

Формування та розвиток державного патріотизму у системі монархічної ідеології в Російській імперії XIX — початку XX ст.

Гула Р. В.

Gula R. V. The Formation and Development of State Patriotism in the System of Monarchical Ideology in the Russian Empire XIX — early XX century. It was analyzed the role and place of patriotic idea in the safe ideology of the Russian Empire in the 19th — beginning 20th centuries.

Keywords: safe ideology, patriotism, conservatism, monarchism.

Гула Р. В. Формирование и развитие государственного патриотизму в системе монархической идеологии в Российской империи XIX — начала XX в. Раскрыто